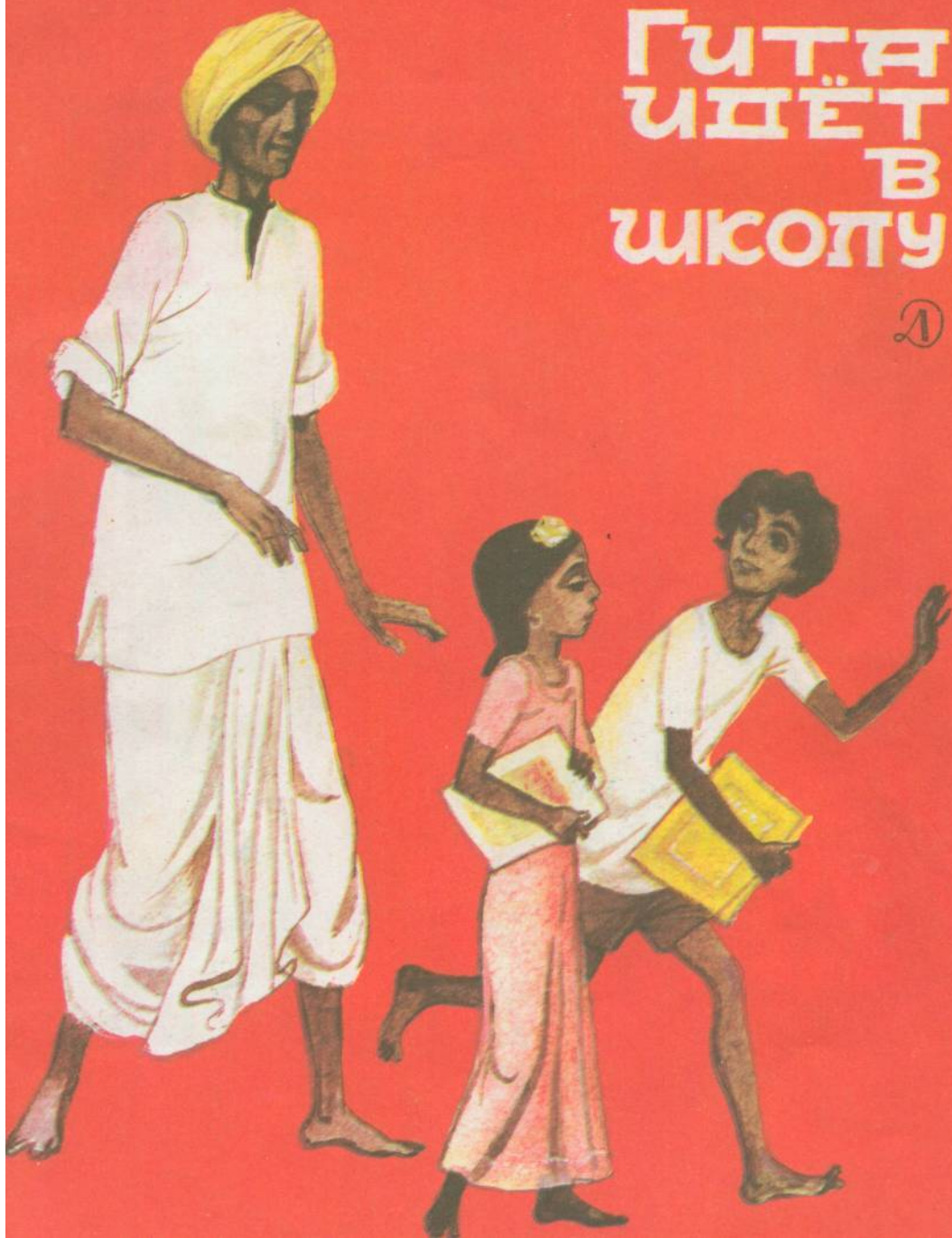

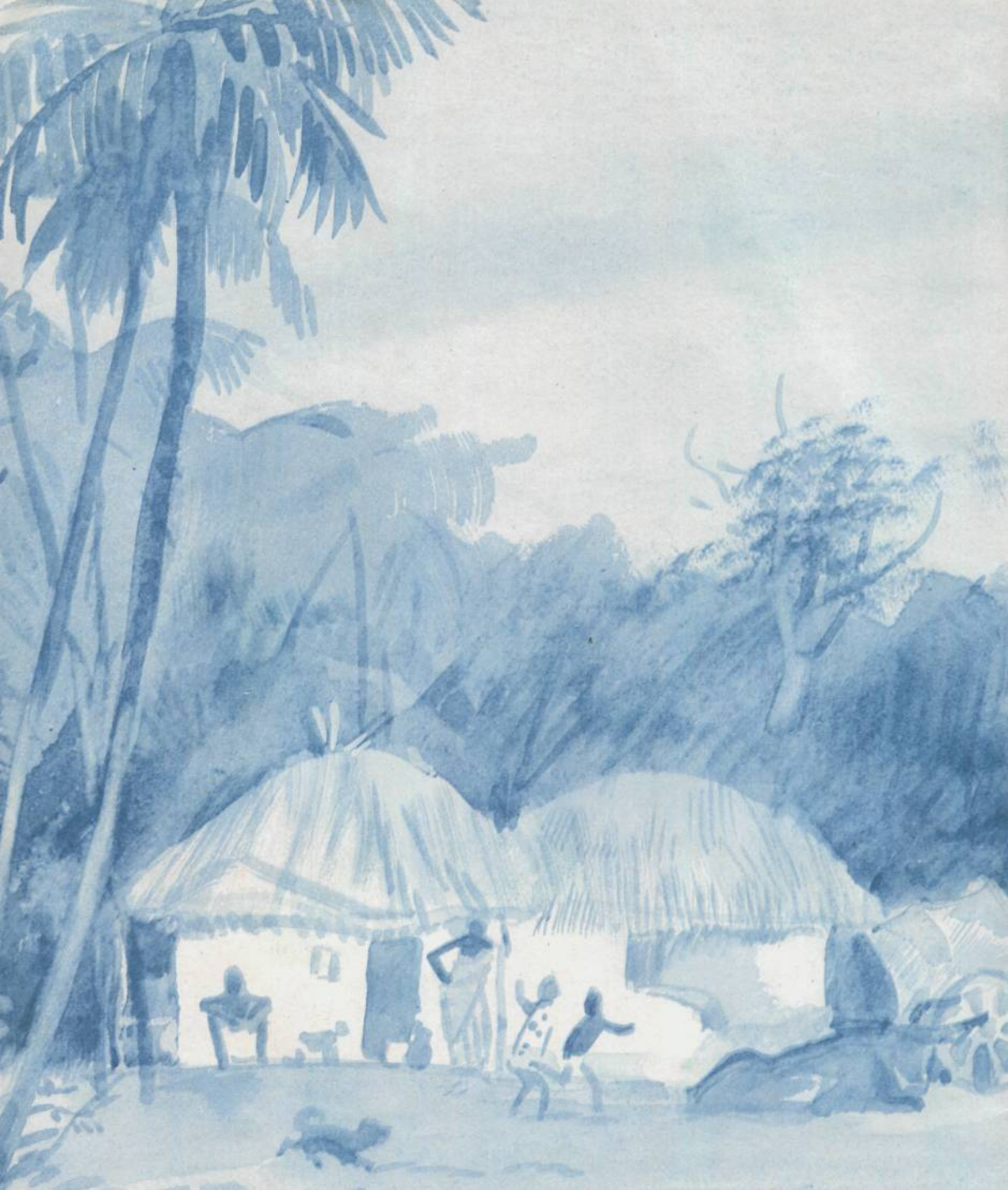
П А Р В А Т И

Т А М П И

ГИТА
ИДЁТ
В
ШКОЛУ

1

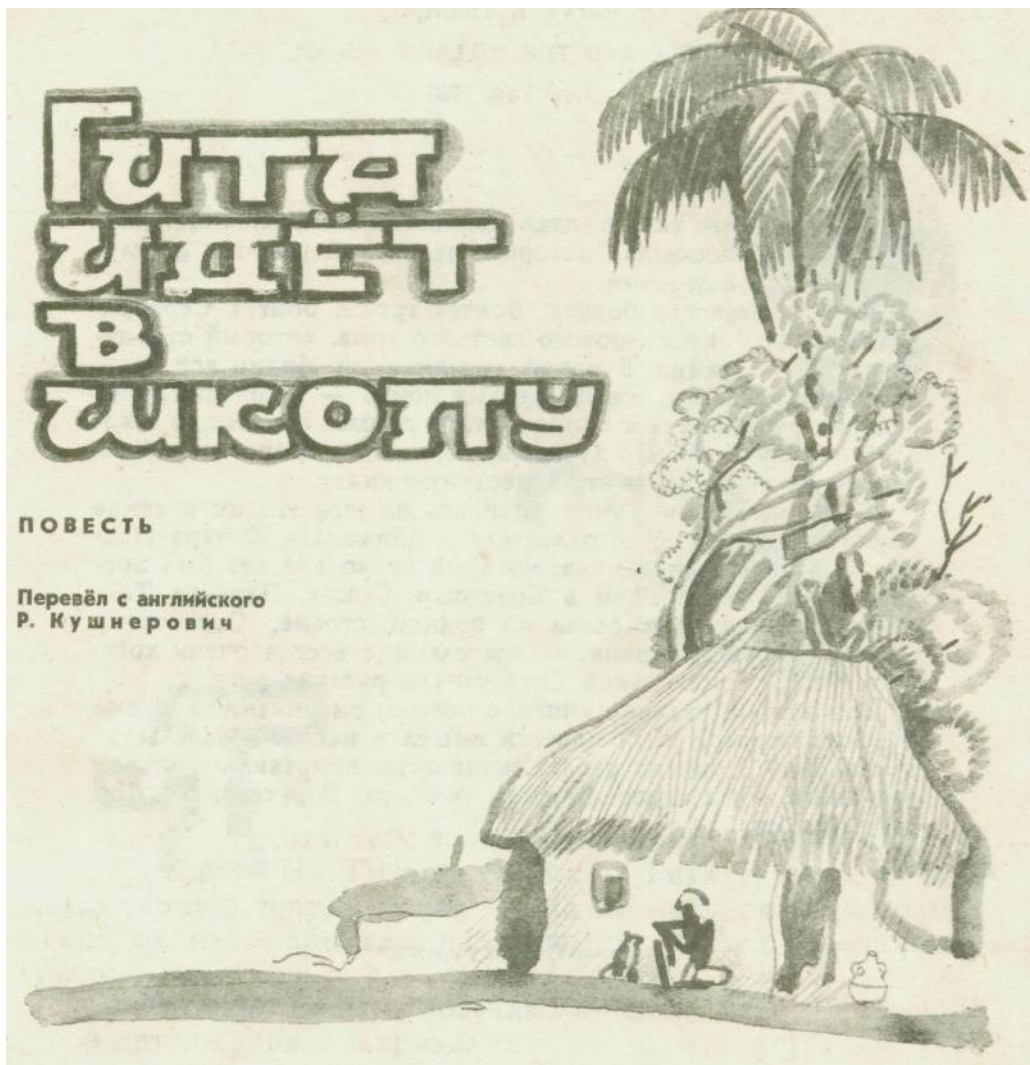

ГИТА УХОДИТ В ЩИКОТУ

ПОВЕСТЬ

Перевёл с английского
Р. Кушнерович

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1975

*Библиотека Ладовед.
SCAN Юрий Войкин 2014г.*

Parvathi Thampi
GEETA AND THE VILLAGE SCHOOL
New York 1960

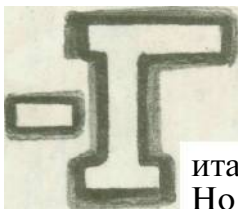
В этой книге талантливая индийская писательница Парвати Тампи рассказала историю маленькой девочки из глухой индийской деревни.

Гита всего-всего боится. Боится грозы, боится Серебряной Птицы, боится... нового светлого дома, который строится посреди деревни. В новой, независимой Индии всё больше строится таких новых светлых домов — школ для деревенских ребят. Гита в конце концов пошла, конечно, в школу и полюбила её. Но лучше всего, если вы, дорогие ребята, скорее начнёте читать эту интересную книгу.

Парвати Менон Тампи родилась на юге Индии, в семье крупного общественного деятеля и дипломата Кумара Падмы Шивашанкары Менона, который несколько лет был послом Республики Индии в Советском Союзе. Парвати Тампи много путешествовала по родной стране, Советскому Союзу и другим странам. Писательнице всегда очень хотелось, чтобы о маленькой Гите узнали русские дети.

Это второе издание книги, с новыми рисунками. Впервые русский перевод этой повести вышел в нашем издательстве в 1963 году. Дорогие ребята, напишите, понравилась ли вам эта книга. Наш адрес: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Рисунки Г. Мазурина

ита, тебе водить! Догоняй!
Но Гита не слышала. Гита глядела на большую чёрную тучу, которая плыла по небу прямо к солнцу. Тень от неё набежала на площадь, и Гита очень испугалась.

— Гита, догоняй! — позвала Камала.

А другие ребята закричали:

— Гита, что с тобой?

— Гита, догоняй, тебе водить!..

Гита хотела сказать им, что не может больше играть, что она боится этой большой тучи. Но не сказала: вдруг ребята станут над ней смеяться?

— Не догонишь, не догонишь! — дразнила её Камала, убегая через площадь.

Тут как раз большая чёрная туча закрыла солнце.

Гопу — он был самый большой среди ребят — заорал что было мочи:

— Смотрите, смотрите! Сейчас дождь пойдёт! Ура-а-а!..

Все ребята задрали голову к небу, а там большая чёрная туча разинула огромную драконью пасть, из этой пасти вдруг выскочил раздвоенный язык — синяя-пресиняя молния.

Гопу протянул к небу руку и запел:

— Молния, молния, прыгни мне в ладошку!

Все ребята стали бегать и хлопать в ладоши. Они очень радовались: вот сейчас пойдёт дождь, он остудит раскалённый, сухой воздух, напоит поля, нежные зелёные ростки пробьются к свету, и в деревне будет хлеб, много хлеба.

И только Гита не радовалась дождю. Уж очень она боялась этой большой чёрной тучи и длинной синей молнии. Так боялась, что даже с места не могла сдвинуться. Но, когда из тучи грянул оглушительный гром, Гита ка-а-а-к бросится бежать — домой, скорее домой!

А ребята закричали ей вслед:

— Гита! Куда же ты?

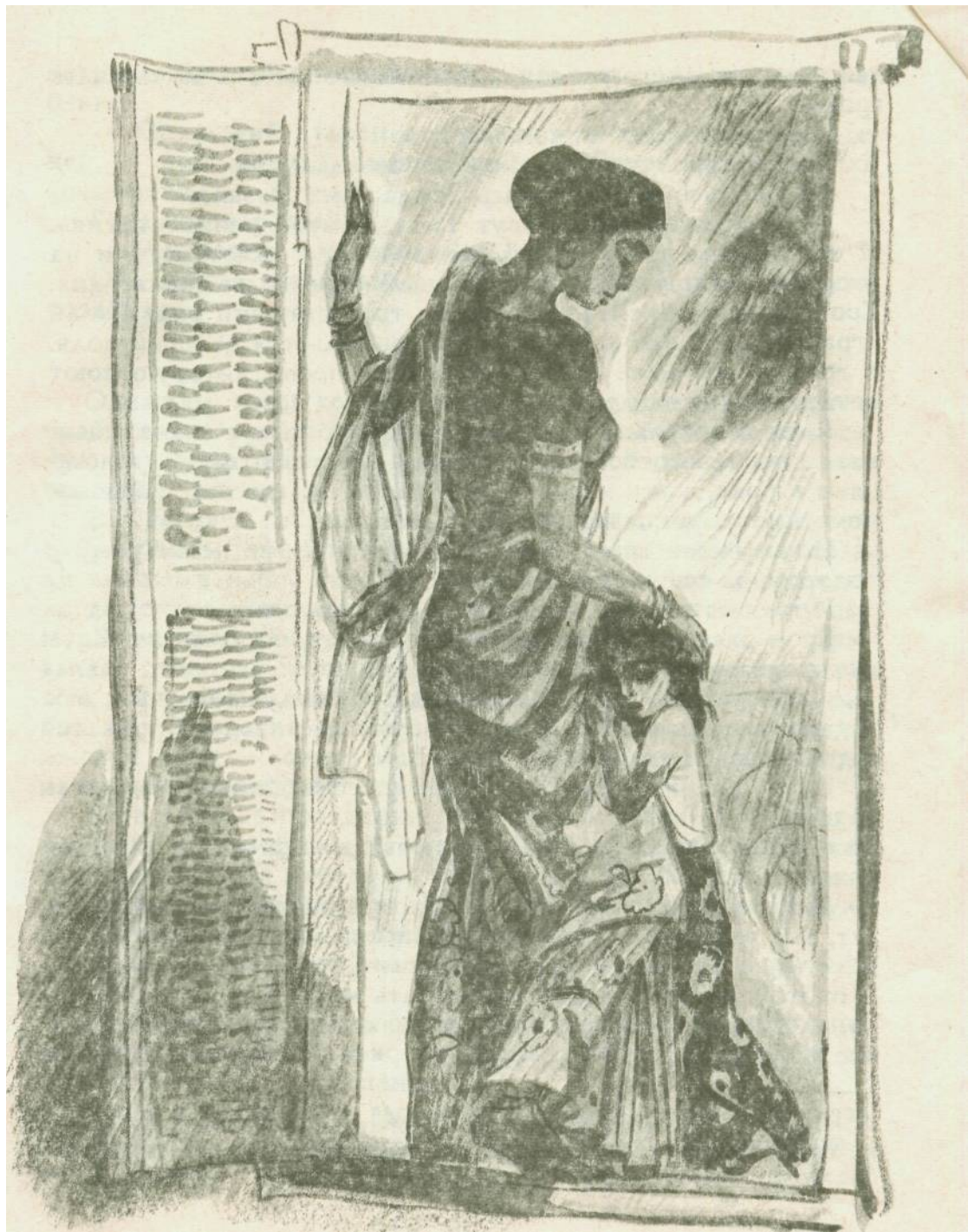
— Вернись!

— Давайте танцевать под дождём!

— Ги-и-ита!..

Но Гита не слышала. Сказать по правде, она слышала только, как грохочет этот страшный гром, а больше ничего. Очень она перепугалась! Всё бежала, бежала, пока не добежала до своего дома, до мамы. А мама как раз стояла в дверях. Гита поскорей спрятала лицо в складках маминого сари¹.

¹ Сари — платье индийской женщины. Оно представляет собой длинный, в несколько метров, кусок материи. Женщина заворачивается в материю так, что один конец превращается в юбку, дальше полотнище перекидывают через плечо — получается кофточка, и оставляют ещё длинный конец, который служит как бы шарфом.

даже на голову его натянула, чтобы не видеть и не слышать грозы.

И мама сказала ей очень ласково:

— Ну, ну, не бойся, робкая моя газель.

Но Гита всё равно боялась. Тогда мама сказала:

— Послушай, тебя зовут Гита, а это значит «песня».

И ты знаешь, всё в нашей деревне поёт: поют петухи на рассвете; птицы поют на утренней заре и на закате дня. Тростниковая флейта поёт, когда твой старший брат Балан играет на ней. Вот и дождь поёт, когда льётся на наши поля. А гром — это тоже песня, всего лишь песня, которую поют тучи, несущие нам дождь.

Гита задумалась над мамиными словами. Она любила тихие песни своей тихой деревни, где все отцы с утра заняты в поле, а все мамы — по хозяйству, где все мальчики помогают отцам, а все девочки — мамам.

Но неужели гром — это тоже песня? Ну нет! Гром — это гром, да ещё какой страшный!..

И тут опять ка-а-а-к загремело,! Пуще прежнего.

Гром раскатился по деревне, по дому, по комнате. Гита так испугалась, что даже заплакала.

— Перестань! — сказала мама. — Послушай лучше, как падает дождь, как пересохшая земля пьёт воду. Грома сегодня больше не будет.

Гита притихла, прислушалась к песне дождя и перестала плакать.

— Иди сюда, Гита, — позвала мама. — Помоги мне...

И Гита забыла все страхи. Хотя ей было только шесть лет, она уже умела готовить почти как мама и прибираться в доме. Ещё она могла принести что-нибудь, когда попросят. С охотой помогала маме просеивать муку, или мыть буйвола, или перетирать орехи для дедушкиного бетеля¹. Потому что дедушка был такой старенький, что приходилось всё для

¹ Бетель — листья перечного кустарника, в которые заворачивают орехи, разные пряности и известь. Индийцы жуют бетель наподобие жевательной резинки.

него разминать и размалывать, как для маленького ребёнка.

— Столетний старец всё равно что стодневный младенец, — проговорила мама и вместе с Гитой принялась толочь орехи.

Гита подтвердила:

— Угу, верно, — и засмеялась.

Она всегда соглашалась с мамой. А про гром она уже позабыла.

II

Однажды, когда кончились дожди, Гита, мама с младшим братиком на руках, отец и старший брат Балан надели самую лучшую одежду, потому что в тот день начинался праздник урожая.

Вся деревня собралась на площади. Было сколько хочешь еды, музыки, танцев и огненных хлопушек, которые взлетали высоко в небо. Гите очень нравилось, когда много еды, когда вокруг музыка и танцы. А ещё ей нравилось, как у неё мурашки пробегают по спине, когда вдруг — трах! — взрывалась огненная хлопушка. Но самое интересное было потом, когда настал вечер. В темноте деревня засветилась, как большое созвездие, потому что в эту ночь все-все люди зажигают огни — сотни масляных светильников, сделанных из скорлупы кокосового ореха.

Гита любила праздники, но тихие и мирные будни тоже были ей по душе. Каждый новый день точь-в-точь как вчерашний. Хотя иногда что-нибудь всё же случалось: у кого рождался малыш, у кого девушка выходила замуж. О, сколько тогда было весёлой суматохи!

«Свадьба — самое интересное дело в мире!» — думала Гита.

Она всегда старалась стать поближе к невесте, чтобы потрогать её новое шёлковое сари, поглядеть, как блестят её глаза и свадебные украшения.

А раз в месяц Гита выходила на порог, чтобы помахать рукой отцу, уезжавшему в большой город, который назывался Мадрас.

Там отец продавал свой рис и покупал что нужно для семьи. Ещё он привозил с собой разные новости из того большого мира, который начинался где-то за де;ревней. Гита и Балан готовы были до утра слушать отца, когда он рассказывал про этот мир; те два дня, что отца не было дома, казались им бесконечно длинными. А как только он переступал порог, Гита первым делом хватала узлы и пакеты, срывала газеты, в которые они были завёр-

нуты, и бежала с этими газетами к Балану. Но ни Балан, ни Гита не могли понять, что значат странные значки, выстроившиеся на газетной странице. Зато картинки можно было понять, и Гита не переставала удивляться тому большому миру, который начинался где-то за деревней.

Однажды отец привёз домой газету, и в этой газете была картинка, а на картинке удивительная птица. Правда, Гита сразу сообразила, что это не настоящая птица, хотя хвост и крылья у неё были совсем как у птицы.

Гита спросила Балана:

— Что это?

Но Балан покачал головой:

— Не знаю.

Гита спросила у мамы, но мама тоже не знала. Тогда она дождалась отца — он был в гостях, рассказывал другим отцам, что нового в городе.

— Что это, отец? — спросила Гита.

Отец посмотрел на картинку, потом сказал:

— Эту штуку в городе называют Серебряной Птицей. Она неживая, но всё же умеет летать, и очень быстро. Она даже переносит по небу людей.

Когда Гита услышала это, глаза у неё сделались большие-большие, круглые-круглые, блестящие-блестящие. Долго она не могла забыть слова отца и всё удивлялась: что же это за птица такая? И до чего же он поразительный, этот большой мир, если в нём водятся Серебряные Птицы, которые могут летать по небу, хотя они и неживые. И ей захотелось узнать побольше о том большом мире, который начинался где-то за деревней.

Но вот однажды — это было в ясное и тихое утро — большой мир сам пришёл в их маленькую деревню.

Гита уже помогла маме провеять зерно и накормить буйвола, растолкла орехи и как раз собиралась идти на улицу поиграть со своей лучшей подругой Камалой. Но только-только она ступила за дверь, как вдруг увидела огромный грузовик, с рёвом въезжающий в деревню. Гита спряталась за косяк двора и стала оттуда наблюдать. Вот ИЗ машины

вышли какие-то мужчины с громкими голосами. Они поговорили с её отцом и с другими отцами, а потом стали обмерять пустырь, где Гита и её друзья всегда играли в пятнашки. А потом уехали.

Гита никак не могла понять, зачем приезжали эти мужчины с громкими голосами.

Она хотела спросить об этом Балана, или маму, или отца, да постеснялась.

Но через несколько дней мужчины приехали снова, а с ними ещё грузовики, а на грузовиках какие-то машины, кирпичи, совки, лопаты, лестницы. Теперь можно было никого ни о чём не спрашивать, потому что отец сам всё рассказал маме, Балану, ей и маленькому братику (впрочем, братик ещё слишком мал и не обратил на слова отца никакого внимания). Отец сказал, что лестницы, лопаты, совки, кирпичи, какие-то машины, грузовики и рабочие приехали для того, чтобы построить посреди их деревни большой новый светлый дом.

III

Большой новый дом посреди деревни! О, это так же интересно, как свадьба или как невеста. Когда никто не видел, Гита трогала шершавые кирпичи, прикладывала щёку к прохладным стёклам, которые скоро станут «окнами». Каждый вечер, засыпая, она думала об этом доме и каждое утро вместе с друзьями бегала на площадь, чтобы посмотреть, как мужчины его строят. Он рос с каждым днём, большой, светлый и белый. Никогда в жизни Гита не видела такого дома. Она даже не могла поверить, что такие бывают. Рядом с этим домом все дома деревни, с их крышами из пальмовых листьев, казались маленькими хижинами.

Гита вместе с другими ребятами забиралась на грузовик, в самый кузов; вылезали они оттуда перемазанные липким серым тестом, которое Балан называл «цемент». Никогда в жизни Гите не бывало так весело! Столько шума, пыли, столько разных людей!

Один из строителей носил чёрные очки на носу, шляпу на макушке и карандаш за ухом. Наверное, очень сердитый! Гита его побаивалась, хорошо ещё, что он приезжал в деревню не каждый день.

Другой носил яркий жёлтый тюрбан, такой красивый, что Гите глядеть на него было радостно. А третий рабочий очень её смешил, потому что голова у него оказалась такая лысая, такая гладкая — совсем как яйцо! Конечно, она смеялась потихоньку, чтоб он не заметил. Зато над четвёртым рабочим смеялась и она, и все ребята. Из-за чего? Да из-за его усов: они у него были унылые-унылые и такие длинные, что он, того и гляди, съест их вместе с обедом.

Никогда в жизни Гита не видела таких занятых людей. Всё утро они стучали молотками, звенели пилами, гремели лопатами. И, кажется, никогда не уставали. Только в обед они оставляли свой дом в покое, чтобы он передохнул и подремал на солнышке сам по себе; они усаживались в тени мангового дерева, открывали свои пакеты, доставали рисовые лепёшки и чечевичную кашу в кульках из бананового листа. Ели и толковали с ребятами. Для Гиты это было самое приятное время дня.

Иногда кто-нибудь из них протягивал ребятам лепёшку. Балан, Камала и другие ребята старались оторвать кто сколько сможет. Гита же стояла в сторонке и только смотрела. «Вот бы мне быть такой большой и храброй, как Балан! — думала она. — Тогда и мне досталось бы что-нибудь».

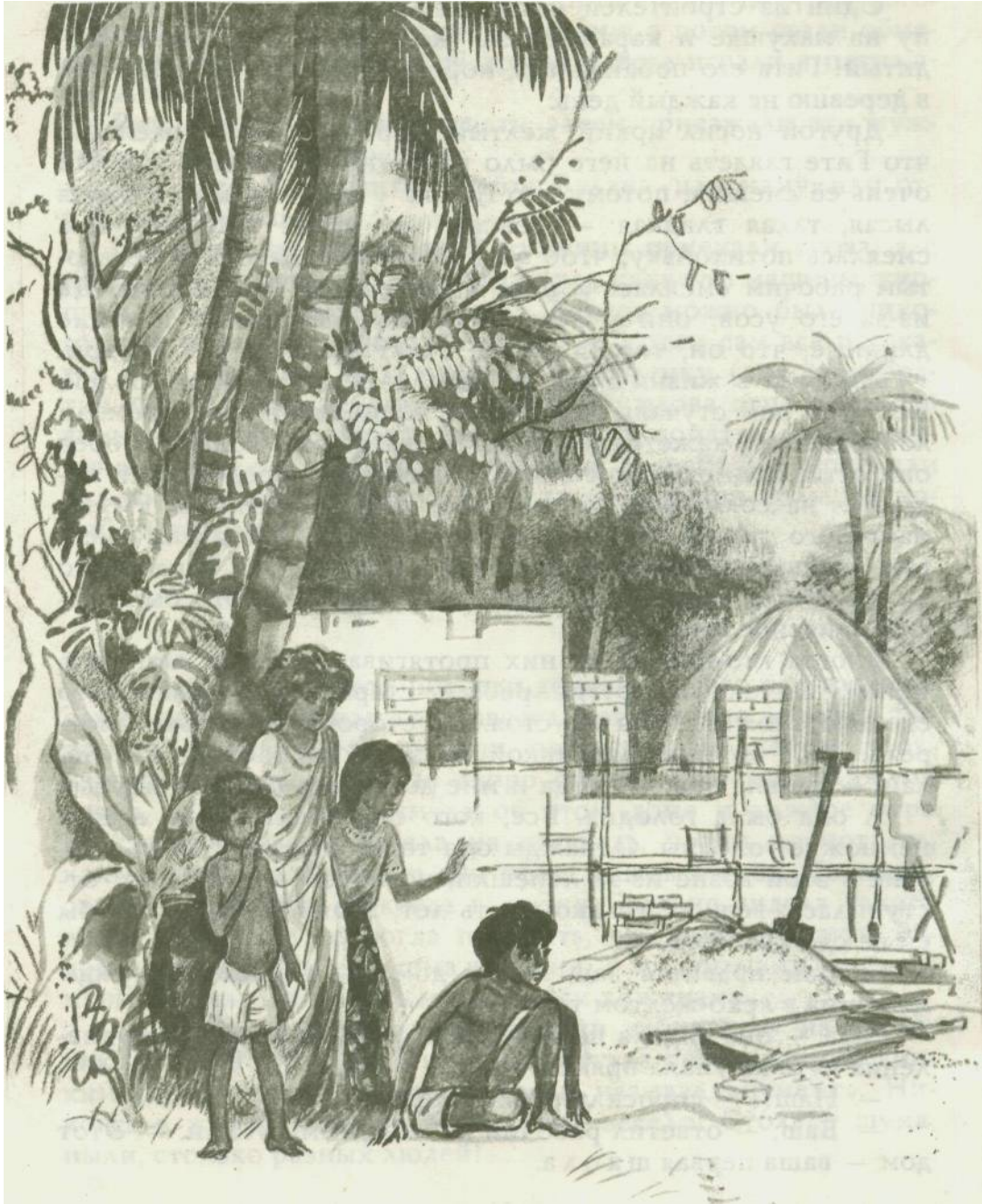
А она была голодна. Все, кого она знала, были всегда немножко голодны. Однажды она тоже хотела принять участие в этой возне из-за лепёшки, но потом вздохнула и отступилась: ведь ей только шесть лет, и она боялась, как бы ей не сделали больно...

— Вам нравится ваш новый дом? — спросил однажды мужчина в ярко-жёлтом тюрбане.

Гита — она сидела на корточках рядом с ним — от удивления чуть не упала прямо в пыль.

— Наш?! — спросили ребята хором.

— Ваш, — ответил рабочий со смешными усами. — Этот дом — ваша первая школа.

— Школа?!

Гита шёпотом повторила это слово. Нет, раньше она его никогда не слышала. А может быть, школа — это тоже что-то, явившееся из большого мира? Как Серебряная Птица?

Она хотела спросить об этом у человека со смешными усами, но постеснялась. Тогда она оглянулась на свою лучшую подружку Камалу, а Камала оглянулась на других ребят, а другие ребята оглянулись на Гопу. Потому что Гопу был больше их всех, потому что он был самым сильным и смелым, потому что он был их вожаком, хотя ходил всегда в разорванной рубашке и не всегда умытый.

— Что такое школа? — отважно спросил Гопу.

Рабочие громко засмеялись:

— Ха-ха! Ты не знаешь, что такое школа? Ха-ха-ха!

Но Гопу — всё-таки он был очень сильным и смелым — снова спросил:

— Что такое школа?

На этот раз мужчины не засмеялись. Они стали запи-

наться и мямлить, и Гита сказала себе: «Спорю на что угодно, они и сами не знают!»

Тогда тот, что в жёлтом тюрбане, откашлялся — кхм — и сказал:

— Видишь ли, мы и сами-то ни разу не бывали в школе. Но я слышал, что это место, где надо быть всё время умытым.

Гите это не очень понравилось. Она оглядела свою одежду — вся перемазана серым тестом, которое называется «цемент». Оглядела свои руки и ноги — все в пыли. Но ведь эта пыль такая ласковая, ходить по ней так мягко и удобно. Конечно, приятно чувствовать себя умытой — иногда! Но кто захочет ходить умытым всё время?

Мужчина со смешными усами сказал:

— А я слышал, что школа — это такое место вроде тюрьмы, только оттуда отпускают на ночь.

Гите это ещё больше не понравилось. У неё даже мурашки забегали по спине. Она ни разу не бывала в тюрьме, но слышала, что говорили про тюрьму отцы. И ей вовсе не хотелось сидеть каждый день взаперти, когда на улице солнце, небо, буйволы ходят и дедушка жуёт свой бетель. Даже если отпускают домой на ночь — всё равно ничего хорошего!

А мужчина, который был совсем лысый, добавил:

— Ещё говорят, будто школа — это такое место, где надо всё время слушаться, всё делать в точности, как сказано. А не послушаешься, учитель накажет тебя — вот так! — И он очень громко шлёпнул себя по голой ноге.

Гита вскочила и бросилась бежать.

Она бежала изо всех сил, а сердце у неё в груди металось, как буйвол в загоне.

Потом она вспомнила, как этот белый, светлый дом рос у неё на глазах, как кирпич ложился на кирпич, окна вставляли в ряд, как поднимались стены. Она так мечтала об этом доме, он ей казался пришельцем из того большого мира, который начинался где-то за деревней. Ведь он был прекрасен, этот дом, — значит, прекрасен был и весь тот большой мир.

А теперь оказалось, что всё это не так.

Школа — это ужасное место, где человека держат взаперти весь день (хотя и выпускают на ночь), где надо быть умытым всё время и всё делать в точности как сказано, а не то неизвестное существо, по имени Учитель, накажет тебя — вот так!..

В ту ночь Гита никак не могла заснуть.

И не из-за mosкитов, не из-за того, что старенький дедушка похрапывал во сне, — ко всему этому она привыкла.

Нет, что-то новое и пугающее отгоняло от неё сон.

ШКОЛА - УЧИТЕЛЬ - ШКОЛА - УЧИТЕЛЬ..

Эти слова всё кружились и кружились у неё в голове, и вскоре Гита почувствовала себя совсем несчастной. Она хотела потолковать с Баланом, но он крепко спал. И не проснулся даже тогда, когда она подёргала его за ногу. Маленький братик, правда, не спал — он сосал палец. Но разве он поймёт что-нибудь? И к маме нельзя было пойти, потому что она как раз разговаривала с 'отцом в другой комнате, а ведь дети не могут вмешиваться в разговор родителей. Но она слышала из-за стены их голоса. Услышав слово «школа», насторожилась.

— Новая школа будет готова на следующей неделе, — говорил отец. — Я рад за нашего Балана.

И тут мать возразила:

— И за нашу Гиту я тоже рада. Школа не только для мальчиков.

Гита даже дышать перестала и не могла поверить своим ушам!

Неужели мама — её собственная мама! — пошлёт дочку в этот ужасный дом?!

— Да, я слышал, что не только для мальчиков. Но моя дочь в школу не пойдёт!

Тут Гита вздохнула с облегчением. Она бы обняла отца прямо сейчас, если б посмела.

Но вот снова послышался голос мамы:

— А почему? Нам даже не придётся платить за учение.

Гита похолодела от ужаса, своими маленькими белыми зубками она прикусила губу, потому что ей вдруг очень захотелось крикнуть:

«Нет! Нет! Нет!»

И тут отец проговорил очень ясно и чётко:

— Почему?! Да потому, что моей дочери не к чему забивать голову всякими учёными премудростями. Пусть научится готовить, прибирать в доме и приглядывать за буйволом — этого достаточно для девочки. Разве ты и твоя мать когда-нибудь ходили в школу? Нет! А ведь из тебя получилась хозяйка, жена и мать ничуть не хуже, чем из любой учёной женщины.

Гита не всё поняла из того, о чём они говорили. Она только поняла, что отец не собирается посылать её в школу. Ей этого было достаточно, она почувствовала себя вполне счастливой.

Но только на секунду. Потому что мать два раза кашлянула — кхм, кхм, — а это означало, что она собирается сказать что-то важное. И сказала:

— Да, Гита — девочка, но всё равно я хочу, чтобы она ходила в школу и училась разным наукам. Это будет полезно для неё, и это полезно для всей нашей страны. Говорят, сам министр приедет на открытие школы.

Потом было долгое молчание, и Гита слышала, как стучит её сердце: тук-тук-тук...

Что ответит отец? Неужели он послушается маму и заставит Гиту пойти в школу?

Наконец отец заговорил:

— Ну что ж, из уважения к тебе я спрошу Гиту, хочет ли она ходить в эту школу. Если она скажет «да» — пусть идёт, если «нет» — пусть сидит дома. Ты права, времена меняются, пускай девочка сама решает.

И тут Гита весело улыбнулась. Ну конечно, она никогда не скажет «да», и отец никогда не отправит её в школу!

С этой мыслью она уснула.

На другой день, когда отец спросил, хочет ли она ходить в новую школу, Гита ответила твёрдо и ясно:

— Нет.

Мама удивилась, стала её уговаривать, но Гита упрямо поджала губы:

- Нет.

Хотя ей было очень грустно: ведь она впервые в жизни поступила по-своему, а не по-маминому. И мама была очень огорчена и обижена. Гита ясно видела это по её глазам. А ведь нелегко обижать маму, когда ты так её любишь! Гита поскорей убежала из дому.

Сначала она пошла к Камале. Камала сидела на солнышке рядом со своим отцом и лепила кукол из сырой рыжей глины, а отец из такой же глины делал горшки, потому что он был гончаром. Гита могла без усталости смотреть на его длинные пальцы, под которыми быстро и непрерывно крутился на кругу кусок глины, постепенно превращаясь в прекрасный горшок или кувшин. Она так засмотрелась, что даже забыла, зачем пришла. Но потом всё-таки вспомнила.

— Камала, — шепнула она, — ты пойдёшь в новую светлую школу?

— Да, — ответила Камала. — Я ведь там всему научусь, даже научусь шить красивые платья для моих кукол.

И она воткнула своей

глиняной кукле два чёрных тамариндовых зёрнышка вместо глаз.

Гита глядела на Камалу и ушам своим не верила. Может быть, отец заставляет Камалу идти в школу, а Камала только притворяется, что ей и самой этого хочется? Вот хорошо, что у неё, у Гиты, отец не такой злой!

Гита отвернулась и тут увидела Лилу, которая доставала воду из колодца. Лила была большой и красивой, ей уже исполнилось двенадцать лет. Гита решила расспросить насчёт школы Лилу и побежала к ней.

— Лила, а ты пойдёшь в новую светлую школу?

— Конечно, и уж тогда меня не заставишь таскать воду!

Лила тряхнула головой так, что чуть не расплескала всю воду из кувшина, который уже стоял у неё на темени. И удалилась.

Гита почувствовала *себя* совсем маленькой и несчастной. Вот Лила — та, кажется, не боится школы.

«Наверное, всё дело в том, — подумала Гита, — что она большая — ей уже столько много лет! — и к тому же она такая красивая».

Тогда Гита пошла к Балану и Гопалу: они неподалёку играли в камушки.

— Ты пойдёшь в новую светлую школу, Гопал?

— Да, — гордо ответил Гопал, подбрасывая камушек. — И когда-нибудь сам стану учителем.

Гита вздохнула: «Наверное, всё дело в том, что он — мальчик».

А в тени большого баньяна сидела вторая лучшая подруга Гиты, Сарла.

Вместе со своей мамой Сарла работала за ткацким станком.

Гита постояла возле них, потом помогла им немного, а потом спросила:

— Сарла, ты ведь не пойдёшь в новую светлую школу, правда?

— Почему же я не пойду? — серьёзно ответила Сарла. — Я буду учиться и стану такой учёной, что уж никогда больше не буду голодной.

Гита не поняла, что она имела в виду, и ещё она не понимала, почему все хотят идти в школу. В голове у неё всё смешалось, и она совсем растерялась. Ещё ей хотелось спросить их всех о неизвестном существе по имени Учитель. Уж если Гопал собирается им стать, значит, это важная персона...

Гита медленно побрела домой и так задумалась, что чуть не наткнулась на Гопу: он вёл купать своего буйвола.

— Гопу, — начала она, — а ты тоже пойдёшь?.. — но не договорила, потому что вспомнила: Гопу не такой человек, который чего-нибудь боится. И уж подавно он не испугается такого места, которое вроде тюрьмы, хотя оттуда и выпускают на ночь.

Она пошла дальше и всё удивлялась: никто не боится школы, никто, кроме неё.

А может быть, она перепутала всё, что говорили тогда мужчины?

Нет, сколько ни припоминай, ничего другого не вспомнишь...

Когда она добралась до дома, её дедушка дремал на пороге. Вот кого она расспросит — уж он-то знает! Ведь он такой старый, столько прожил, что должен знать всё на свете!

— Дедушка, дедушка! — Гита трясла его, пока он не проснулся. — Что такое школа?

— Что? — Дедушка спросонья часто-часто заморгал глазами.

— Что такое Учитель? — спросила Гита.

Дедушка приложил ладонь к уху:

— Что, что? Я не слышу, о чём ты спрашиваешь, дитя моё.

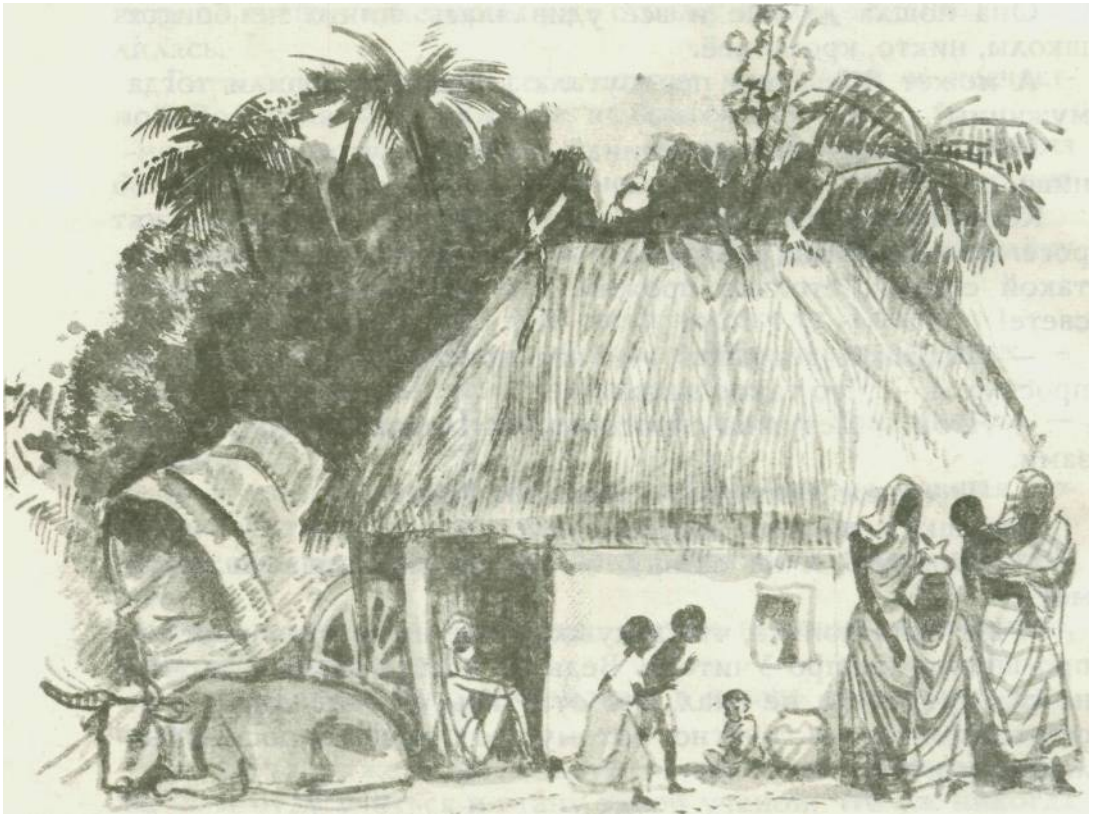
И тут Гита поняла, что дедушка тоже ничего не знает ни про школу, ни про Учителя. Ведь он всегда делал вид, что не слышит, когда не знал, что ответить. И Гите стало совсем-совсем-совсем грустно, потому что больше спросить было не у кого.

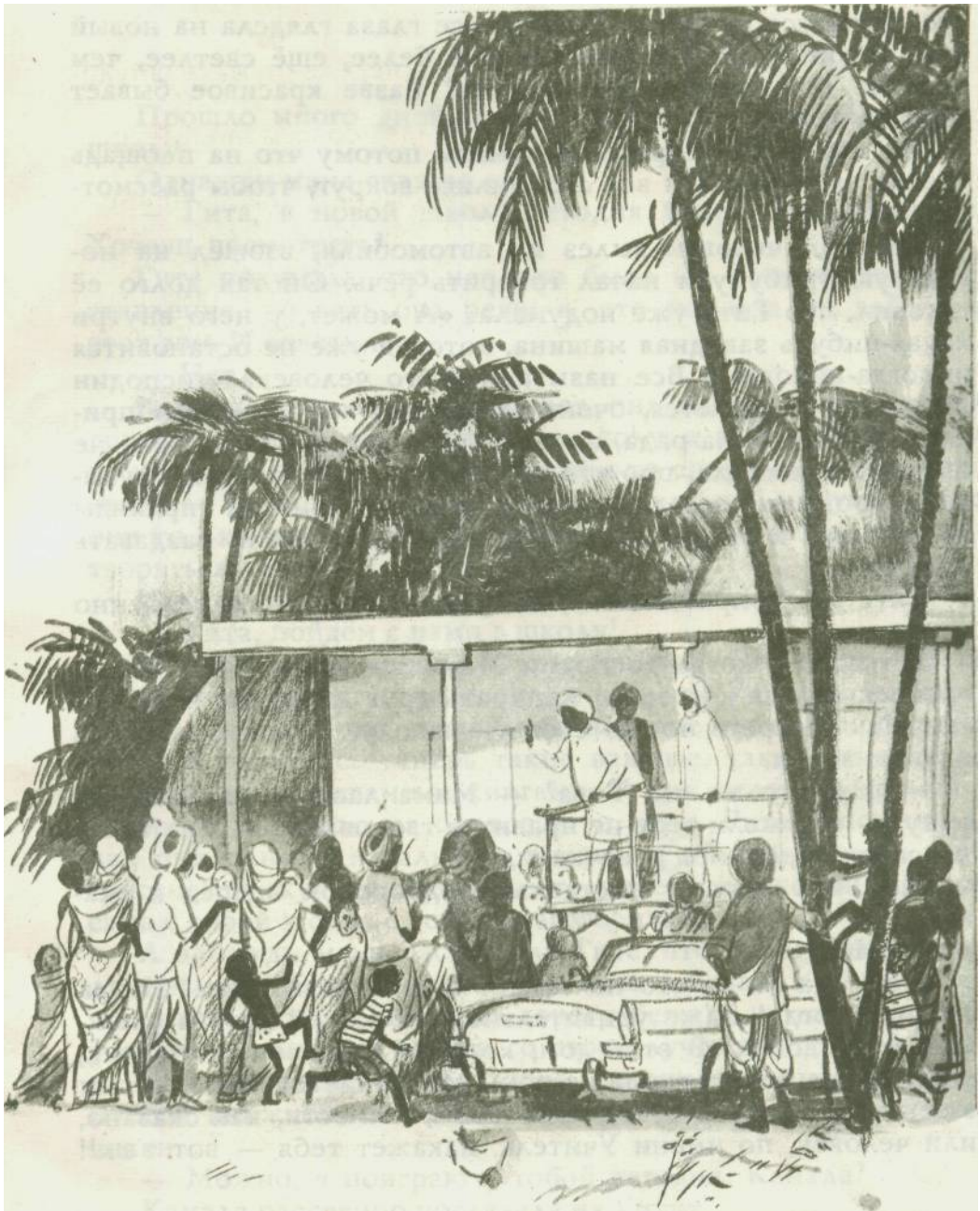
IV

А однажды утром на следующей неделе мама разбудила Гиту очень рано и сказала:

— Сегодня будет праздник. Да, да, совсем новый, особенный праздник! Вставай!

Она помогла Гите одеться, и вместе они пошли прямо к новой школе! Возле неё уже собрались все отцы, все мамы и все дети их деревни. И все-все-все были очень нарядные и чистенькие. У Гопу рубашка была зашита, у Балана были отмытые руки, и даже у грудных малышей носы были сухие,

что случается не часто. Гита во все глаза глядела на новый дом, который сегодня казался ещё белее, ещё светлее, чем раньше. И думала: «Как же так? Разве красивое бывает страшным?»

Но потом она перестала думать, потому что на площадь въехал автомобиль и все столпились вокруг, чтобы рассмотреть его.

Толстый человек вылез из автомобиля, взошёл на новенькую трибуну и начал говорить речь. Он так долго её говорил, что Гита уже подумала: «А может, у него внутри какая-нибудь заводная машина, которая уже не остановится никогда-никогда!» Все называли этого человека «господин Министр» и, кажется, очень гордились, что он к ним приехал. А Гита была рада, когда он наконец замолчал: она не очень-то понимала, про что он говорил. Тут заиграла музыка — громкая, весёлая, потом к трибуне понесли гирлянды из жасмина и роз, а под конец всем детям стали раздавать конфеты.

Гите всё понравилось — и музыка, и цветы, и особенно конфеты.

Но потом, когда господин Министр уехал и все стали протискиваться к дверям, напирать друг на друга, чтоб поскорей осмотреть новую светлую школу, Гита не захотела идти со всеми.

— Ну, что же ты, Гита? — Мама ласково взяла её за руку. — Неужели тебе не нравится твоя школа — она такая красивая! Идём, моя девочка, идём!

Но Гита упрямо выставила подбородок вперёд и сказала:

- Нет.

Нет, она ни за что не войдёт в этот новый дом! Ни за что и никогда! Даже удивительно, как это её друзья решились туда войти! В этот дом, который совсем как тюрьма, хотя оттуда и отпускают на ночь, где придётся быть чистым всё время, где надо делать всё в точности, как сказано, или человек, по имени Учитель, накажет тебя — вот так!!

Прошло много дней,, а Гита так и не ходила в новую школу.

Однажды мама сказала ей:

— Гита, в новой школе сегодня будет представление. Хочешь посмотреть?

Гита подумала, что неплохо было бы посмотреть представление, но ведь она решила, что никогда не войдёт в этот дом. И ответила:

— Нет.

Каждый день, выйдя на порог, она видела издали своих друзей — утром они входили в школу, а вечером выходили из неё. Они всегда смеялись, о чём-то спорили, и Гита чувствовала себя совсем одинокой. Сначала она подумала, что они только притворяются весёлыми, но ведь нельзя же притворяться каждый день!

Иногда кто-нибудь махал ей рукой-и звал её:

— Гита, пойдём с нами в школу!

Но она только упрямо качала головой. Она очень хотела расспросить ребят о человеке, по имени Учитель, но стеснялась: а вдруг они станут над ней смеяться? Кроме того, они все сделались теперь такие важные, такие занятые — всегда с карандашами и книгами. У них теперь и времени, наверное, не было на болтовню и игру. Гита вспоминала, как они раньше играли все вместе, и ей становилось ещё грустнее и скучнее. Не очень-то интересно, когда играешь сама с собой и сама с собой разговариваешь.

А однажды мама рассказала Гите, что у Камалы заболела мама, что Камала поэтому не пошла в школу. И Гита может навестить её. Гита всю дорогу бежала, потому что она уже очень давно не играла со своей лучшей подругой.

Камала сидела на солнышке, склонившись над какой-то пустой книжкой, и чертила в ней карандашом непонятные знаки.

— Можно, я поиграю с тобой сегодня, Камала?

Камала рассеянно поглядела на Гиту:

— Что?
— Поиграем вместе?
— Что ты! Какая игра? — ответила Камала. — Я же так занята! Ужасно много домашних заданий.

И она снова взялась за свой карандаш и снова уткнулась в свою книгу.

Домашние задания!.. Гита почувствовала, что слёзы щекочут ей глаза. Даже у Камалы, лучшей подруги, нет для неё времени. Значит, она осталась одна, совсем одна, совсем-совсем!

Гита повернулась и бегом пустилась вниз по улице — мимо домов, мимо колодца, мимо водяного колеса, мимо пруда, мимо поля и манговых деревьев — и вот... И вот она уже не понимает, где очутилась. Тут она остановилась, потому что вдруг устала, перепугалась.

Неподалёку был небольшой холм. Гита вскарабкалась на него, чтобы осмотреться. Она думала, что с такой горы весь мир видно, но не увидела ни своего дома, ни деревни. Всё поля, поля. И не слышно ничего и никого вокруг — только птицы переговариваются на лету. Откуда-то донеслось пение пастушеского рожка, но он удалился и замер.

И ей вдруг так захотелось услышать голос отца — вот бы погнал он сейчас в поле их буйвола! Отец обычно громко шлёпал его ладонью по крупу и, покачиваясь у него на спине, выкрикивал: «Хай-эй!» А ещё лучше, если бы мама сейчас позвала её домой.

Но вокруг стояла тишина — только птицы переговаривались на лету да ещё... ещё...

Гита вскочила на ноги. Она услышала совсем новый звук — очень далёкий и неясный, но он становился всё яснее, всё ближе. Сначала глухой и монотонный — будто мама баюкала маленького братика, потом жужжащий и звенящий — будто это летела большущая пчела, и, наконец, рокочущий — будто летняя гроза.

Гита снова опустилась на землю, сидела очень тихо и слушала. И вдруг высоко в небе блеснуло что-то стремительное, что-то такое, чего она раньше никогда не видела.

Что же это?..

Тут Гита вспомнила картинку в газете. Да ведь это же Серебряная Птица! Та, что может летать и даже носить по небу людей, хотя она совсем неживая!

А рокот перешёл в оглушительный гром, и Гита застыла от ужаса. Птица летела прямо на неё, а Гита ведь была совсем одна!

Гита ещё раз глянула вверх, а потом взвизгнула, крепко зажмурила глаза и пустилась бежать вниз по склону холма. Никогда в жизни она так быстро не бегала! Она бежала и бежала, не открывая глаз, пока на что-то не наткнулась. Тут волей-неволей она остановилась и взглянула из-под ресниц. Перед ней стоял какой-то человек.

Сперва Гита обрадовалась: этот незнакомый человек сразу показался ей милым и добрым. Но потом она снова испугалась: а вдруг — вдруг! — он выпрыгнул из Серебряной Птицы, чтобы забрать её с собой! Она отпрянула от него и хотела убежать, но человек успел схватить её за руку.

— Куда же ты? Чего ты боишься? — И голос у него тоже был добрый и мягкий.

— Я боюсь Серебряной

Птицы, — ответила Гита и поглядела на небо, но птица уже улетела.

Человек тоже поднял глаза:

— Какая такая Серебряная Птица?

— Она только что пролетела по небу. Она — как крылатый змей.

Человек заулыбался:

— Это не змей, это аэроплан.

— Аэ-ро-план... — повторила Гита; слово было не очень страшное.

— Да. Его сделал человек и на пользу человеку, чтобы доставлять по воздуху письма и другие вещи от одного человека к другому. Чтобы люди — ты, я, мы все — могли летать по разным городам и по разным странам. Разве тебе не хочется побывать в других городах?

Гита кивнула: хочется, конечно! Ей всегда хотелось взглянуть на тот большой мир, который начинался где-то за деревней.

— А что ты здесь делаешь, совсем одна? — спросил человек.

— Я потерялась, — ответила Гита и жалобно всхлипнула.

Она вспомнила свой дом, отца, маму. А вдруг она уже никогда не найдётся? Ну конечно! Скоро стемнеет, и она никогда-никогда не отыщет дорогу в деревню.

Но человек ласково погладил её по голове и успокоил:

— Не плачь, малышка! Я отведу тебя домой. Как называется твоя деревня?

Гита долго думала, а потом сказала:

— Не знаю, но у нас в деревне есть манговая роща, утиный пруд и водяное колесо — оно ещё скрипит вот так: кри-и, кри-и...

Человек опять улыбнулся. Ведь в Индии много сотен деревень, и в каждой — манговая роща, утиный пруд и скрипучее водяное колесо.

— А больше ты ничего не можешь вспомнить про свою деревню?

Гита опять стала думать, думать.

— Ну конечно! — обрадовалась Гита. — У нас ещё есть большой новый, светлый дом, который называется «школа»!

Вот теперь незнакомый человек понял, где живёт Гита. Ведь в Индии много сотен деревень, но пока ещё мало таких, где есть большие новые, светлые дома, которые называются школами.

Он взял Гиту за руку и направился к деревне. А Гита забыла все свои страхи.

— Тебе нравится твоя новая светлая школа? — спросил человек.

— Я не хожу в школу, — ответила Гита.

— Почему?

— Просто так.

— А всё-таки — почему? — настаивал человек. — И тебе не хочется ходить в школу?

— Нет.

Человек остановился, взял обе ладошки Гиты в свои руки и сказал:

— Скажи мне — почему? Ты же ведь знаешь: я твой Друг.

Гита заглянула в его добрые глаза и ответила/ва:

— Я боюсь.

Тогда глаза у этого человека стали серьёзными — вот так отец иногда глядит на Балана, когда тот провинится.

Он сказал:

— Ты боялась Серебряной Птицы, потому что не знала, что это такое. А новая школа как раз для того и построена, чтобы ты могла там узнать про всё на свете; ведь чем больше ты знаешь, тем меньше ты боишься. И школы ты боишься потому, что не знаешь, что это такое. А стоит только тебе туда войти, ты сразу всё поймёшь и очень скоро полюбишь школу. Ну, пойдёшь ты в школу завтра утром вместе с другими ребятами?

Но Гита упрямо выставила вперёд подбородок и сказала*.

— Нет.

Тогда человек проговорил очень медленно и отчётливо:

— Скажи, малышка, если кто-либо сделает для тебя

что-нибудь хорошее, разве ты не захочешь сделать для него тоже что-нибудь? Просто чтобы отблагодарить его?

— Захочу.

— Ты потерялась, а я тебя нашёл и собираюсь отвести тебя домой. Так вот, если ты захочешь отблагодарить меня, то пойди завтра в школу. Пожалуйста!

Гита опять вспомнила про того страшного человека, по имени Учитель, и про тот дом, который вроде тюрьмы. Но ещё она подумала, что мама будет очень рада, если она пойдёт в школу, что тогда она опять будет вместе с Камалой и другими ребятами; и ещё она подумала, что ей хочется отблагодарить этого славного человека.

Она поглядела ему в глаза и сказала:

— Да. Я пойду завтра в школу.

Держась за руки, они вернулись в деревню — как раз когда солнце садилось, когда отцы возвращались с поля, а мамы звали детей домой.

VI

На следующее утро Гита проснулась раньше петухов, раньше ворон, раньше буйволов. Она побежала к маме и сказала:

— Мама, сегодня я пойду в новую светлую школу!

Мамины глаза загорелись от радости. Она открыла маленький сундучок, где держала все драгоценности, и достала розовое шёлковое платье, расшитое золотыми нитками.

— Я приготовила это платье для тебя, — сказала мама, — для твоего первого школьного дня. Пусть оно принесёт тебе много счастья и мудрости, моя девочка!

Потом мама стала умывать Гиту — гораздо старательнее, чем обычно. А когда она мыла ей уши и за ушами, все пальцы на ногах и каждый пальчик в отдельности, Гита повизгивала от щекотки и от удовольствия.

— Вот видишь, — сказала мама, — приятно быть чистой, да?

И Гита ответила:

— Да.

Ещё ей было приятно, что она опять во всём согласна с мамой.

И вот она уже в своём нарядном платье, волосы у неё причёсаны гладко-гладко, в волосах жёлтый цветок, и она шагает к школе вместе с отцом и Баланом.

Всю дорогу сердце Гиты плясало и прыгало от волнения. Она очень гордилась, что на ней такое платье и что она идёт рядом с отцом. А когда она увидела в школьном дворе всех ребят, то стала гордиться, что она теперь как все! Но вот отец ввёл её в большой светлый, новый дом, потом по длинному коридору они подошли к какой-то двери. Тут Гита опять вспомнила про то странное существо, которое зовётся Учитель, и в страхе прижалась к отцу. Но когда отец открыл дверь, Гита увидела большую комнату и в ней много ребят, а в дальнем углу — свою лучшую подругу Камалу. Отец подвёл Гиту к Камале и сказал:

— Камала, присматривай за Гитой. так, будто она твоя родная сестра.

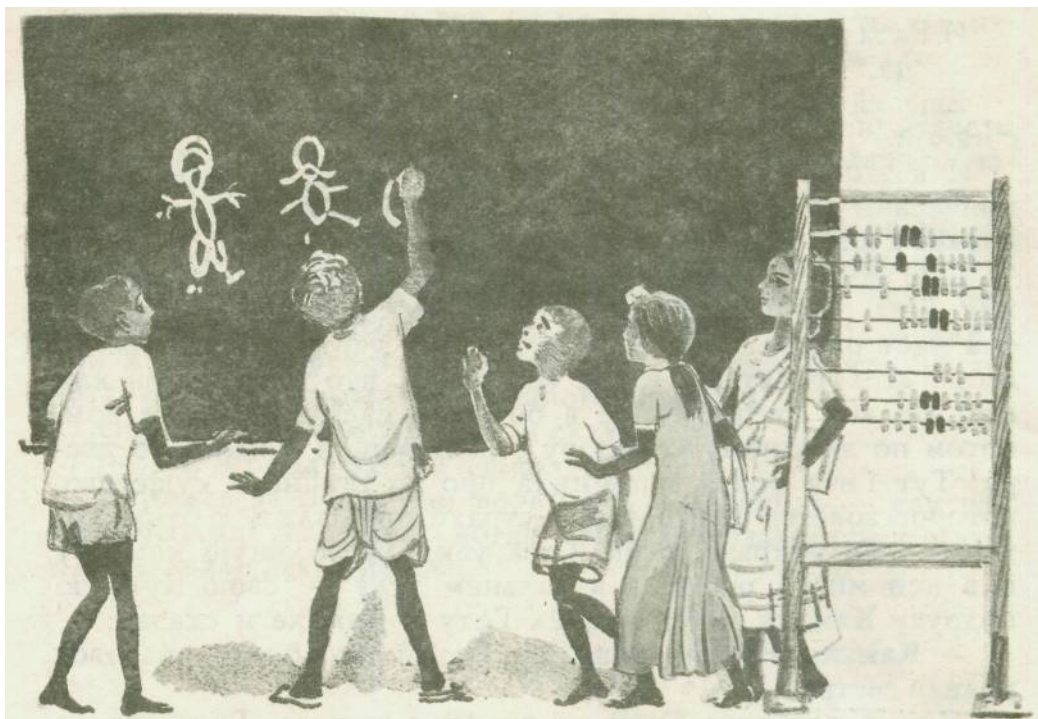
Потом потрепал Гиту по волосам и ушёл. Гита хотела побежать за ним, но Камала удержала её за руку.

— Как я рада, Гита, что ты пришла!

И другие ребята подошли к Гите, стали разглядывать её красивое розовое платье и жёлтый цветок в её волосах. Гита успокоилась.

Камала стала показывать ей все вещи, что были в комнате: книги с цветными картинками, рамку с железными прутьями, на которые были нанизаны яркие кружочки, грифели и серые аспидные доски, на которых можно что угодно написать и тут же стереть, разные картины на стенах — там были нарисованы всякие звери и птицы; ещё в комнате была какая-то глина, из которой можно что хочешь слепить, и большущая картина: какие-то непонятные разводы илинии.

Камала объяснила, что это не картина, а карта. Карта всего большого мира. Синей краской на ней нарисовано море, коричневой — горы, а зелёной — долины и поля, вро-

де тех, что лежат вокруг их деревни. Гита глядела на карту и думала, **что** это, наверное, самая удивительная штука на свете. А один мальчишка взял кусок мела и нарисовал на большой чёрной доске человека со смешными усами и человека, у которого голова была лысая, как яйцо, и ещё человека в тюрбане.

Все ребята засмеялись, и Гита смеялась вместе со всеми. **Но тут кто-то** вбежал в класс и закричал:

— Учитель идёт!

Мальчишка быстро стёр с доски свои рисунки, и все сразу замолкли. А Гита опять так испугалась, что схватилась за руку Камалы и крепко-крепко зажмурила глаза — совсем как тогда в поле, когда Серебряная Птица летела у неё над головой.

— Нельзя спать в классе, Гита, — услышала она голос Камалы.

Медленно-медленно открыла она глаза — и сразу заморгала: не может быть! Потому что за столом стоял вовсе не свирепый какой-нибудь человек, а вчерашний добрый незнакомец. Сначала она подумала, что тут какая-то ошибка, но Камала и все ребята хором протянули:

— Доброе утро, учитель!

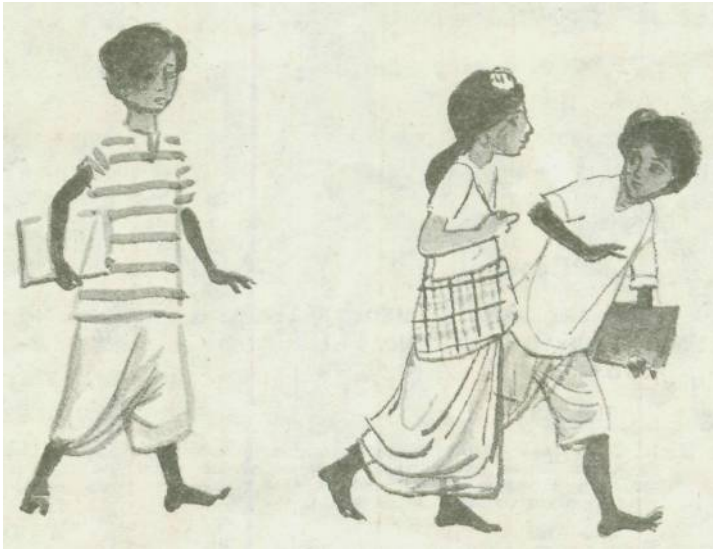
Гита почувствовала, что сердце её наполняется радостью, и она тоже пропела:

— Доброе утро, учитель!

Учитель положил на стол свои книги и карандаши и сказал:

— Прежде чем мы займёмся арифметикой и чтением, я хочу рассказать вам об одной удивительной вещи, о самолёте, который вчера пролетел над нашей деревней. Кто видел самолёт? Он похож на серебряную птицу.

И тут учитель посмотрел прямо на Гиту и улыбнулся. А Гита улыбнулась ему в ответ. Она была совсем-совсем счастливая — потому что она теперь не боялась школы, не боялась непонятого человека, по имени Учитель, и *ещё* — она не была теперь одна.

Для младшего возраста

Парвати Тампа

ГИТА ИДЕТ В ШКОЛУ

Ответственный редактор *С. К. Беркман*

Художественный редактор *А. В. Пащина*

Технический редактор *Г. Г. Стан*

Корректор *З. В. Зайцева*

Слано в набор 16/X 1974 г. Подписано к печати 2/IV 1975 г. Формат 70X90/16. Бум. офс. № 1. Печ. л. 2. Усл. печ. л. 2,34. Уч.-изд. л. 2,16. Тираж 150 000 экз. Заказ № 313. Цена 9 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский полиграфкомбинат детской литературы имени 50-летия СССР Росглавополиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Тампи Парвати

Т17 Гита идёт в школу. Повесть. Пер. с англ. Р. Кушнеровича. Рис. Г. Мазурина. М., «Дет. лит.», 1975.

31 с. с ил.

Маленькая повесть современной индийской писательницы Парвати Менон Тампи рассказывает о детях глухой индийской деревни, о том, как в тихую жизнь этой деревни врывается новая жизнь — здесь строится большая новая школа.

70802-397

¹ **М101 (03)75** - 590 - 75

И (Инд)

Цена 9 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»